

Они снова помолчали некоторое время, затем тётя Мэй снова заговорила:

— Сегодня Бай Сяо звонил мне, в тот момент жена господина была рядом, я не посмела ответить, сразу выключила телефон. Позвони ему ты, уже прошёл целый день, если он не может тебя найти, наверняка волнуется.

Чэн Юэ подтвердил, достал телефон и набрал номер Бай Сяо.

Через несколько секунд за дверью раздался знакомый звонок.

Чэн Юэ резко поднял голову и посмотрел на дверь.

Дверь открылась, и в комнату вошёл высокий стройный человек в бейсболке и солнцезащитных очках, но Чэн Юэ мгновенно узнал в нём Бай Сяо.

Телефон в его руке всё ещё звонил. Бай Сяо не ответил, медленно подошёл к его кровати и отклонил вызов.

— Бай Сяо? Как ты. . . — воскликнула тётя Мэй.

Затем она вспомнила свой только что состоявшийся разговор с Чэн Юэ и поспешно замолчала, смущённо взглянув на него.

Врач шёл за Бай Сяо, у двери их взгляды встретились с тётей Мэй. Та в душе вздохнула и вышла вслед за врачом.

Дверь палаты закрылась за ними. Бай Сяо убрал телефон в карман, встал у кровати, опустив глаза, не глядя на Чэн Юэ, и молчал.

Чэн Юэ положил телефон на кровать и тихо спросил:

— Как получилось, что ты вернулся?

— . . . Последние пару дней у меня не было сцен, режиссёр дал выходной. Соскучился по тебе, вот и вернулся.

Чэн Юэ подумал о том, что только что говорил тёте Мэй. Судя по его выражению лица, наверное, всё слышал.

И сейчас, услышав от Бай Сяо соскучился по тебе, сердце его вдруг сжалось от боли.

Он открыл рот, хотел что-то сказать, но промолчал.

Бай Сяо пристально посмотрел на него:

— Я только что спрашивал доктора Ляна, он сказал, что с тобой всё в порядке. Раз уж всё было запланировано. . . главное, что всё хорошо.

Взгляд Бай Сяо скользнул к левой ноге Чэн Юэ, туго забинтованной.

— Это. . . для вида, — поспешно объяснил Чэн Юэ. — Со мной всё в порядке, не волнуйся.

Бай Сяо кивнул.

Между ними снова повисло молчание.

Впервые, стоя перед Чэн Юэ, Бай Сяо не знал, что сказать. В душе у него было беспокойно, он с усилием скривил губы в подобии улыбки и сказал:

— Раз вижу, что с тобой всё в порядке, я успокоился. Уже поздно, отдыхай пораньше, я пойду.

Чэн Юэ взглянул на него и ничего не сказал.

Впервые увидев такое подавленное и мрачное выражение на лице Бай Сяо, Чэн Юэ почувствовал растерянность. Он не знал, что сказать, не знал, как его удержать.

Спустя мгновение он лишь произнёс:

— Хорошо.

В душе Бай Сяо стало горько от разочарования. Он закрыл глаза, повернулся и ушёл.

*

После ухода Бай Сяо Чэн Юэ тяжело вздохнул, откинулся на спинку кровати, уставился в одну точку вдаль, в голове царил полный хаос.

В тот момент, когда он увидел Бай Сяо, он явственно почувствовал внутри радость и ликование, но затем, увидев его выражение лица, в душе осталась лишь тревога и беспокойство.

Он хотел объясниться, но не знал, с чего начать, и не смел даже заикаться о тех словах, что только что сказал тёте Мэй.

Он надеялся, что Бай Сяо отнесётся к этому с улыбкой, а затем снова прилипнет к нему, как это бывало каждый раз, когда он отказывал ему раньше.

Но в глубине души он понимал, что на этот раз всё иначе.

И Бай Сяо действительно не поступил так.

Его лицо было холодным, совершенно не похожим на обычно солнечное и мягкое. Каждый раз, когда на его лице появлялось такое выражение, Чэн Юэ смутно ощущал некую подавляющую силу.

В последний раз он видел такое холодное и суровое выражение на лице Бай Сяо во время противостояния с Лян Каем.

Наверное. . . он действительно разочаровался.

Пока он предавался этим мыслям, в комнату вошла тётя Мэй.

— Эх. . . — тётя Мэй, вспоминая унылое выражение лица Бай Сяо, когда он прощался с ней, невольно вздохнула:

— Редко встречается такой любящий тебя человек, неужели нельзя его хоть немного утешить?

Чэн Юэ поднял на неё взгляд и промолчал.

— Я только что от врача слышала, он с самого утра мчался из Хэндяня, вернулся домой, узнал о случившемся и сразу приехал, ждал тебя с самого дня до вечера, неужели нельзя было нормально поговорить с человеком? К чему сейчас важничать? Самую искреннюю душу можно оттолкнуть. . . Эх. . . и я виновата, не стоило мне так говорить.

Чэн Юэ покачал головой:

— Это моя вина.

Виновата моя неуверенность. . . Но эта неуверенность не должна становиться причиной причинять ему боль.

Чэн Юэ думал, что завтра. . . он обязательно придёт.

Игра должна быть сыграна до конца.

Хотя с телом Чэн Юэ и не было никаких проблем, тётке Мэй всё равно пришлось остаться для полного ухода.

После того как Бай Сяо ушёл, выражение лица Чэн Юэ оставалось угрюмым.

Тётке Мэй было тяжело это видеть, и она не выдержала, принялась ворчать:

— Мне кажется, Бай Сяо очень хороший, вы же неплохо ладили последнее время? Вообще-то я хотела спросить, почему ты не можешь быть с ним спокойно? А ты чего добился? Бай Сяо вошёл, а ты даже не попытался объясниться. . . Не верю, что ты ничего к нему не чувствуешь.

— Тётя Мэй. . . — Чэн Юэ беспомощно посмотрел на неё. — Именно потому, что он слишком хорош. . . а я недостаточно хорош.

Тётя Мэй широко раскрыла глаза:

— Вздор! Ты и внешностью хорош, и происхождением, и характером, в чём же ты не хорош?!

Чэн Юэ усмехнулся:

— У меня хороший характер? Если бы он действительно был хорош, Бай Сяо не пришлось бы так тяжело.

— Мне кажется, Бай Сяо как раз нравится твой характер, он может смотреть на тебя и глупо улыбаться, главное, чтобы ему нравилось.

Чэн Юэ подумал о том, как Бай Сяо иногда смотрел на него и без причины улыбался, и настроение немного улучшилось.

Но. . . будет ли так в будущем, он не знал.

Он снова сказал:

— А происхождение? На самом деле, больше всего я боюсь реакции моих родителей. . . Если я действительно буду с Бай Сяо, я не знаю, что может сделать мать. . . Вообще-то, я всегда завидовал, что у Бай Сяо есть такая семья, обычная и тёплая, не такая, как у меня. . . такая уродливая.

С психологической точки зрения, влияние семьи происхождения на человека очень велико. Многие тонкие чувства таятся в глубине души, сейчас ещё не проявляясь, но это не значит, что они не проявятся в будущем.

Чэн Юэ всегда думал, что то, что Бай Сяо любит его сейчас, не значит, что будет любить всегда. То, что он сейчас выглядит нормальным, не значит, что всегда будет таким.

Ему казалось, что если он действительно глубоко погрузится в эти отношения, то может стать очень навязчивым, даже не оставляя другому личного пространства; ему казалось, что у него может быть чрезвычайно сильное чувство собственности, не позволяющее другому даже взглянуть на кого-то ещё.

Как тогда, недавно, когда Бай Сяо спас Юй Си, в тот момент, когда он увидел эту новость, он почувствовал, как ревность прорывается наружу, и тут же захотел позвонить и потребовать у Бай Сяо объяснений. . . И тогда в его голове вдруг всплыла сцена, как мать каждый раз допрашивала отца.

Такая истерика, такие слёзы. . . Это действительно слишком некрасиво.

Иногда он даже очень хорошо понимал отца, потому что такие допросы матери действительно утомляли.

Он не мог позволить себе стать таким же. Поэтому он всё терпел, не звонил, не хотел отвечать на сообщения, пока Бай Сяо сам не позвонил, и только тогда он наконец взял трубку, притворившись равнодушным и безразличным.

Но Бай Сяо был так хорош, мягко и терпеливо развеивая его сомнения, снова говоря ему, что он единственный в его сердце.

Слишком трогательно. . . Хочется завладеть им.

Впервые он узнал, что человек может бояться приблизиться к тому, что слишком сильно любит.

Бояться, что, подойдя слишком близко, он увидит его гнилое нутро и скучную сущность, бояться, что его ранят люди из его окружения, ещё больше бояться, что такие чувства изменятся. . . Поэтому, как только становится слишком близко, невольно хочется оттолкнуть.

— Ты не можешь из-за того, что председатель Чэн и его жена несчастливы, не верить, что сам можешь быть счастлив, — с досадой сказала тётя Мэй. — Если из-за страха всё бросить, это и вправду глупо.

. . .

Чэн Юэ виновато моргнул:

— . . . Правда?

— А то спроси у Бай Сяо, не назовёт ли он тебя глупым.

Чэн Юэ подумал, что он ни за что не станет задавать Бай Сяо такой глупый вопрос.

Тётя Мэй взглянула на время и сказала:

— Пора спать, ложись пораньше.

Затем, видя, что выражение лица Чэн Юэ по-прежнему угрюмое, добавила:

— Я для тебя спросила, Бай Сяо сказал, что завтра утром принесёт кашу. Я как раз в это время схожу переодеться. После обеда ему нужно возвращаться на съёмки. Тебе надо с ним хорошо поговорить, а то если затянется на месяц-другой, в душе будет беспокойно.

— Хм, — в глазах Чэн Юэ наконец блеснул луч света.

*

<http://bllate.org/book/15597/1390884>